

Д. БЕРЖАЙТЕ

**ДОСТОЕВСКИЙ В ЛИТВЕ
(КОНЕЦ XX — НАЧАЛО XXI в.)**

Множество исследований, посвященных творчеству и личности Достоевского, существует не только потому, что этот писатель обладает особым даром находить индивидуальный подход к каждому читателю (т.е. совершенно по-особому запечатлеваться в сознании отдельно взятого человека), а еще и потому, что, перефразируя слова С. Франка, его творчество воспринимается в зависимости «от глубины и ширины духовного опыта читателя»¹. Кажется, еще никто специально не занимался изучением (и сопоставлением с другими подобными) такого феномена, как своеобразие национального восприятия творчества Достоевского в той или иной культуре.

И дело не только в особенностях национальной истории, менталитета. Об этом, изучая вопрос «Достоевский и Литва», еще в 1982 г. в своей книге «Literatūrinį ryšį pėdsakais» («По следам литературных связей») писала литовская писательница, профессор Вильнюсского университета Бируте Балтрушайтите-Масėнене, многие годы на кафедре русской литературы читавшая курс по творчеству Достоевского. По ее словам, при изучении творчества иностранного писателя особенно важно учитывать, что «произведение срастается не только с историей, культурой, но и психологией народа, его мировоззрением, обоснованным социально-историческими обстоятельствами»². Правда, впервые представив общую картину литовского восприятия творчества Достоевского в основном в межвоенное время, а также проследив историю его переводов на литовский язык, исследовательница не обратила внимание (или не могла об этом писать из-за цензурных ограничений) на то, какие и, главное, в какой последовательности эти переведенные произведения закреплялись в сознании литовских читателей, как они формировали представление об этом писателе в Литве.

---

¹ Франк С. Легенда о Великом Инквизиторе // О Великом Инквизиторе. Достоевский и последующие. М., 1991. С. 243.

² Masionienė B. Literatūrinį ryšį pėdsakais. Vilnius, 1982. P. 38. (Здесь и далее перевод с литовского сделан автором статьи.)

О значении последовательности переводов текстов Достоевского может свидетельствовать, например, ситуация с повестью «Записки из подполья»³. Вплоть до 2010 г. не было перевода текста этой повести на литовский язык. Прочитать ее на русском тоже не всегда было возможно, так как опубликована она только в собраниях сочинений Достоевского, которые не всегда имелись в наличии даже в фондах городских библиотек. Кроме того, многие литовцы, родившиеся после 1980-х гг., по-русски и вовсе разучились читать.

Итак, текст, с которого, как считали некоторые⁴, чуть ли не «начинается» Достоевский, многим стал доступен только сейчас. Зато «Белые ночи» или «Униженные и оскорбленные» известны почти всем читателям старшего поколения. А роман «Униженные и оскорбленные», например, на литовском почему-то издавался не менее шести раз. И хотя автором статьи не подсчитано специально число изданий произведений Достоевского в Литве, всё же складывается впечатление, что здесь долгое время были известны в основном книги, написанные Достоевским до середины 1860-х гг.

Это случайность или таким намеренно формировалось представление о Достоевском?⁵ Проще всего было бы всю ответственность свалить на обстоятельства прошедшей эпохи. Но ведь роман «Униженные и оскорбленные», в отличие от всех других произведений Достоевского, даже и после 1990-х гг. в Литве издавался не менее трех раз.

Когда думаешь об этом, невольно вспоминаешь слова Д. С. Мережковского, считавшего, что «истинный Достоевский, тот бесстрашный испытатель божеских и сатанинских глубин, каким мы его знаем, — начался с «Преступления и наказания». Все, что раньше создавал он⁶ <...>, принадлежит как бы совсем другому писателю. Если бы все это исчезло, образ его как художника, в особенности как мыслителя, ничуть не пострадал бы, — скорее, напротив, очистился бы от случайного

---

³ Долгожданный перевод «Записок из подполья» обсуждался даже в двух рецензиях, что нечасто случается в современной Литве. См. статью «Наконец-то „Записки из подполья“» в еженедельнике «Северные Афины»: *Potašenko I. Pagaliau «Užrašai iš pogrindžio» // Šiaurės Atėnai* [Электронный ресурс] www.satnai.lt/?p=9482 (дата обращения 08.01.14); а также статью «Заметки благодарного читателя» в филологическом журнале «Respectus Philologicus»: *Beržaitė D. Nedėkingo skaitytojo pastabos // Respectus philologicus*. 2011. N 20 (25). P. 267–270.

⁴ Чеслав Милош писал в своем очерке «Шестов, или О чистоте отчаяния»: «Шестов (не он первый, Розанов намекал на это до него) считал самым великим произведением Достоевского „Записки из подполья“, а написанные им впоследствии „толстые“ романы — лишь комментарием и попыткой решить загадку, изложенную в „Записках“». См.: *Шестов Л.* Киргегард и экзистенциальная философия. М., 1992. С. VI.

⁵ Впервые о проблеме тенденциозности представления Достоевского в Литве упомянул Арвидас Юозайтис в статье в 2004 г. «Европа без совести Достоевского»: *Europa be Dostojevskio sąžinės* [Электронный ресурс] http://www.culture.lt/satnai/?leid_id=706&kas=straipsnis&st_id=2732 (дата обращения 08.01.14).

⁶ Мережковский прежде всего имеет в виду произведения, написанные до каторги.

и наносного»⁷. Итак, если следовать логике Мережковского, получается, что литовцы, не читавшие по-русски, в основном только в XXI в. могли полностью узнать «истинного Достоевского».

Еще один пример ознакомления литовского читателя с творчеством Достоевского свидетельствует не только об идеологических тенденциях «подачи» произведений писателя в советское время. Достоевский, как известно, книг для детей специально не писал. Однако в литовском издательстве «Margi gaštai» («Пестрые узоры») первой книгой нового, только в XXI столетии начавшегося проекта по переводу и переизданию всех произведений Достоевского, стал сборник «Достоевский. Детям» (2003). В нем собраны известные отрывки его произведений, которые писатель только собирался издать под таким названием. Даже и зная о существовании подобных замыслов у Достоевского, всё же можно задуматься, действительно ли эти «отсутствующие» произведения писателя — лучшее начало для знакомства с его творчеством?

Долгое время поддерживалось представление о некоем мелодрама-тизме, сентиментальности Достоевского. Именно поэтому в Литве в советское время его произведения не включались в школьную программу по литературе. И, возможно, поэтому о творчестве Достоевского массовому литовскому читателю было известно очень мало. Однако сейчас ситуация с распространением произведений Достоевского — писателя, создавшего уникальные по своей структуре и поэтике художественные тексты, — всё же улучшается: роман Достоевского «Преступление и наказание», а также изучение творчества этого писателя наконец-то включены в школьную программу по всемирной литературе. Ситуация складывается так, словно действует какой-то «закон Достоевского», заключающийся в парадоксальности, в противоречивости всего, что связано с его именем. Так, до 1990-х гг. изучению русской литературы во всех школах Литвы отдавалось большое число часов, но для произведений Достоевского в программе не нашлось места. (Интересно было бы узнать, так ли обстояло дело и в других бывших советских республиках?) Однако теперь, при общем падении интереса к чтению, при сокращении часов по литературе и исключении такого предмета, как «русская литература», из школьной программы, изучение творчества Достоевского наконец-то стало обязательным для общего образования.

Продолжая разговор о переводах произведений этого русского писателя на литовский, необходимо отметить еще один факт, возможно, значимый для понимания «литовского» Достоевского. Роман «Бесы» на литовском языке появился только в 1997 г. в интерпретации известного переводчика Альгимантаса Антанавичюса⁸. Об этом конкретном

---

⁷ Мережковский Д. С. Религия Л. Толстого и Достоевского. СПб., 1902. С. 157.

⁸ Подробное послесловие к этому роману, озаглавленное «Одержимые нигилизмом», написали Б. Масёнене и М. Варлашина: Apsėsti nihilizmo // Demonai. Vilnius, 1997. P. 599–613.

переводе следует сказать отдельно по двум причинам. Во-первых, Антанавичюса можно считать составителем самых подробных комментариев по произведениям Достоевского на литовском языке⁹; во-вторых, и это главное, название романа переведено как «Demonai» («Демоны») ¹⁰. Свой выбор названия переводчик объяснил в комментариях, ссылаясь на переводы Евангелий, а также на авторитет В. Даля, в словаре которого «бес» и «демон» объясняются как тождественные понятия ¹¹.

Не все согласились с литовским вариантом названия данного романа Достоевского. Подробно об этом писал профессор Шяуляйского университета Пранас Гражис (Pranas Gražis) в книге «Русский роман XIX века. Вторая часть» ¹². Однако литовского читателя эта проблема заинтересовала меньше, чем можно было ожидать. Только режиссер Йонас Вайткус (Jonas Vaitkus) свой многочасовой спектакль, поставленный по роману Достоевского «Бесы» в Литовском национальном драматическом театре (2005), назвал всеми четырьмя возможными в переводе вариантами — «Demonai. Nelabiejai. Apšėstieji. Kipšai», тем самым не только усилив основную тему постановки, но и подчеркнув проблематичности названия романа в его литовском варианте.

На сегодняшний день почти все художественные тексты Достоевского уже можно найти на литовском языке. И это очень важно, так как только при полном их наличии можно говорить о возможностях литовского читателя более или менее адекватно постичь вершины культуры другой страны. Долгий, а иногда и необычный путь произведений Достоевского к литовской аудитории действительно может многое сказать прежде всего самим литовцам о «психологии народа, его мировоззрении, обоснованном социально-историческими обстоятельствами», о чем писала профессор Масёнене в упомянутой выше книге ¹³.

---

⁹ В Литве к текстовым комментариям, особенно относящимся к произведениям зарубежных авторов, никогда достаточно серьезно не относились. Данная книга была опубликована издательством «Вага» в солидной серии «Pasaulinės literatūros biblioteka» («История всемирной литературы»). То же издательство в 1986 г. переиздавало и «Братья Карамазовых», комментарий к которым составляет всего лишь несколько страниц. Однако литературовед Е. Червинскене написала детальное послесловие к этому роману — «Последний роман Ф. Достоевского», см.: *Paskutinis F. Dostojevskio romanas // Dostojevskis F. Broliai Karamazovai*. Vilnius, 1986. P. 467–475.

¹⁰ С аналогичной проблемой интерпретации названия романа сталкивались переводчики из многих стран. Например, на английском языке «Бесы» известны как «The Possessed», «The Devils» и «The Demons».

¹¹ См. раздел «Объяснения» в книге *Antanavičius A. Paaiškinimai // Dostojevskis F. Demonai*. Vilnius, 1997. P. 616.

¹² *Gražys P. XIX amžiaus rusų romanas. 2 dalis*. Šiauliai, 2004. P. 399.

¹³ О причинах поздних переводов произведений Достоевского в Литве упоминала в своей статье М. Варлашина «„Литовцам негоже греться у его огня“. Видунас о творчестве Федора Достоевского» (см.: *W poszukiwaniu prawdy. Chrześcijańska Europa — między wiarą a polityką*. Człowiek. Wiara. Kultūra. Czerętochowa, 2010. С. 425–433).

Кроме самих произведений Достоевского в последние годы в Литве популярными стали переводы биографической литературы о нем. Подбор переведенных литературных источников говорит сам за себя. В 2005 г. на литовский язык была переведена книга М. Слонима «Три любви Достоевского», в 2007 г. — воспоминания дочери писателя Л. Ф. Достоевской о своем отце («Dostoejewski geschildert von seiner Tochter»). По поводу последней книги М. Варлашина опубликовала статью «Литовские корни Достоевского. Достоевский глазами дочери»¹⁴, где подробно и объективно еще раз рассказала о том, что могло бы заинтересовать жителей Литвы, — о так называемом литовском происхождении Достоевского¹⁵.

На страницах литовских журналов печатались и отдельные фрагменты переписки Достоевского с его второй женой, Анной Григорьевной¹⁶. В 1999 г. литовский журналист Лаймонас Инис (Laimonas Inis) на основе отдельных литературоведческих исследований (Л. Гроссмана, В. Кирпотина, В. Твардовской, Л. Розенблюма и др.)¹⁷ написал книгу «Достоевский»¹⁸, где основное внимание уделил жизни писателя. О его творчестве у Иниса упоминается лишь мельком, словно литературное дело в жизни Достоевского играло совсем незначительную роль.

Тенденциозность представления литературы о Достоевском «нарушает» переизданная в 2004 г. оригинальная монография «Dostojevskis»¹⁹, написанная Е. Червинскене, многие годы бывшей профессором Вильнюсского университета. В Литве эта книга считается самым авторитетным исследованием, рассказывающим не только о жизни писателя, но, главное, и о проблемах его творчества. Секрет ее успеха — беллетристический, но не лишенный научности стиль, индивидуальность видения и толкования отдельных спорных вопросов творчества писателя. Например, представляя «Легенду о Великом инквизиторе», Червинскене излагает свою концепцию свободы человеческой личности, которая, с ее точки зрения, лежит в основе всего творчества Достоевского²⁰. Автор книги сознательно отказалась от привлечения литературоведческого

---

¹⁴ См. статью «Литовские корни Достоевского. Достоевский глазами дочери» в журнале «Новая Ромува»: *Varlašina M. Lietuviškos Dostojevskio šaknys (Aimée Dostojevskaja. Dostojevskis dukters akimis) // Naujoji Romuva. 2009. N 1. P. 5.*

¹⁵ Впервые подробно об этом вопросе в отдельной главе своей книги «Literatūrinį gyščių pėdakais» писала Масёнене.

¹⁶ См. статью «Достоевский и Анна» *Almonaitė A. Dostojevskis ir Ana // Gunda. 1994. 4. P. 39–41.*; а также статью «Письма А. Достоевской»: *Laiškai. A. Dostojevskajai // Naujoji Romuva. 1997. N 1.*

¹⁷ Правда, нельзя объяснить, чем обусловлен выбор книг именно этих авторов, кроме как случайным их обнаружением в местной библиотеке.

¹⁸ *Inis L. Dostojevskis: biografinė apybraiža. Kaunas, 1999. P. 277.*

¹⁹ *Červinskienė E. Dostojevskis. Vilnius, 2004. P. 295.* Первое издание книги появилось еще в 1971 г.

²⁰ Более подробно об этом см.: *Червинскене Е. Свобода личности в мире идей Достоевского // Достоевский. Материалы и исследования. Т. 4. Л., 1980. С. 68–75.*

материала, включив в свою книгу в основном лишь высказывания Достоевского и его современников. И все это ради того, чтобы читатель мог объективно, без советов «посредников», понять ту эпоху, в которой пришлось жить Достоевскому. Популярность монографии Червинскене обусловлена также и сопоставительным анализом некоторых проблем творчества Достоевского. Червинскене долгие годы в Литве славилась как лучший специалист по русской классической литературе. Во многом благодаря ей изучение русской классической литературы в Вильнюсском университете было лишено той идеологической окраски, наличие которой казалось неизбежным в то время. До сих пор монографии Червинскене, посвященные творчеству Л. Н. Толстого и А. П. Чехова²¹, помнят не только в Литве. Профессор Масёнене еще в 1982 г. отметила, что уникальный метод Червинскене заключается прежде всего в «тщательном и, вместе с тем, художественном анализе текста при поиске его связей с исторической эпохой и индивидуальностью художника <...>. Ее труд о Достоевском концентрируется вокруг самого главного — поиска ценностного центра художественного мира»²².

Исследовательскую работу профессора Гражиса «Достоевский и романтизм» можно считать последней монографией литовского автора о Достоевском²³. Но книга Гражиса, написанная на русском языке, рассчитана уже на другую аудиторию — на специалистов по творчеству Достоевского. И отличается она подчеркнутым академизмом, правда, сочетающимся с ясностью и доступностью стиля изложения. Возможно, к сегодняшнему дню некоторые положения Гражиса и не выглядят неоспоримыми, особенно в вопросах понимания сущности романтизма и реализма. Но мастерство самого текстуального анализа, проделанного Гражисом, нельзя не отметить. Как и в большинстве исследований о Достоевском, написанных приблизительно в то же время, в этой книге читателя привлекают универсальность знаний Гражиса и его нескрываемый личный интерес к изучаемому предмету, что, к сожалению, не часто встретишь в современном литературоведении.

К концу прошлого века сложившаяся грань между так называемым «популярным» и «академическим», филологическим, философским пониманием и толкованием наследия Достоевского нарушается выступлениями Арвидаса Юозайтиса (Arvydas Juozaitis), по мнению которого, чтение Достоевского позволяет понять Россию. Для Литвы этот вопрос в последние десятилетия стоял особенно остро. Будучи философом, писателем, публицистом и политологом, Юозайтис, не раз в печати отмечавший, что членство в Российском обществе Достоевского²⁴ — для него

---

²¹ Червинскене Е. По закону Льва Толстого. Вильнюс, 1992. С. 223; Червинскене Е. Единство художественного мира: А. П. Чехов. Вильнюс, 1976. С. 183.

²² Masionienė B. Literatūrinis gyšis pėdsakais. Vilnius, 1982. P. 63.

²³ Гражис П. Достоевский и романтизм. Вильнюс, 1979. С. 170.

²⁴ В деятельности Общества он активно участвует с 1993 г.: выступает на конференциях с докладами, публикует в сборниках общества статьи о Достоевском.

принципиальный факт, в Литве всё же более известен как один из ярких деятелей литовского общественного движения «Саудис». Сегодняшние его высказывания, концентрирующиеся на стыке философии, этики, литературы и политики, в Литве оцениваются как выступления трибуна, оратора, носителя авторитетного слова. И Достоевский для него — один из главных источников такого слова. Размышления об этом русском писателе у Юозайтиса всегда вплетены в контекст актуальнейших проблем сегодняшнего дня. Ведь в произведениях Достоевского, по мнению философа, «поднимаются те вечные вопросы, которые всегда трепещут в душе человека, но не всякому сочинителю дано отразить их с той высокой одухотворенностью, с одухотворенностью, которая свойственна Достоевскому. Коллизии романов Достоевского в высшей степени актуальны сегодня <...>. Достоевский — кислород в нашем загрязненном воздухе»²⁵, это тот писатель, который «активирует совесть читателя», а она, в свою очередь, по определению автора статьи, есть не что иное, как «саморефлексия под надзором универсальных идей»²⁶. Но также с сожалением нужно отметить, что в Литве почти неизвестны публикации Юозайтиса, непосредственно анализирующие творчество Достоевского. Хотя только благодаря Юозайтису в литовской печати отмечался юбилейный год Достоевского (1996) — половина номера журнала «*Naujoji Romuva*» тогда была отведена под материалы, представляющие творческую деятельность этого русского писателя. А статью Юозайтиса «Три ипостаси совести у Достоевского», анализирующую на примерах произведений Достоевского все ипостаси человеческой совести (психологическую, умозрительную и религиозную) и очень высоко оцениваемую ведущими российскими достоевскооведами, о чем свидетельствует ее переиздание в различных научных сборниках России, в Литве вообще невозможно найти.

Научность с популярностью сочетаются и в сборниках материалов литовских исследований, которые посвящены теме «Достоевский и Вильнюс». В них описывается короткое пребывание Достоевского в Вильно во время свадебного путешествия писателя в Европу в начале 1867 г. Правда, «герой» этих материалов — всё же сама столица Литвы, а не посетивший ее русский писатель, так как все эти материалы включены их составителями в монографии, изучающие многоликую, многокультурную вильнюсскую историю²⁷.

---

²⁵ Интервью с Юозайтисом, в котором философ отвечает на вопросы писательницы Ю. Иванаускайте, приведено на сайте <http://ussr-swimming.ru/bio/juozaitis/juozaitis.htm> в разделе «Плавание в СССР»: «Tada meilė Lietuvai ir gyvenimui sutapo» («Тогда любовь к Литве и к жизни совпали») (см. *Filosofas A. Juozaitis atsako į rašytojos J. Ivanauskaitės klausimus // Šiaurės Atėnai* [Электронный ресурс] http://www.culture.lt/satenai/?leid_id=737&kas=straipsnis&st_id=3206 (дата обращения 08.01.14)).

²⁶ Юозайтис А. Три ипостаси совести у Достоевского // Достоевский и современность. Материалы XIX Междунар. Старорусских чтений 2004 года. Великий Новгород, 2005. С. 292.

²⁷ См. книгу «Вильнюсские имена»: *Venclova T. Vilniaus vardai*. Vilnius, 2006. P. 152;

Большинство статей о Достоевском, написанных в последние два десятилетия, широкому кругу читателей, скорее всего, остались неизвестны, так как они публиковались в ежегодном научном филологическом журнале Вильнюсского университета «Literatūra. Rusistica Vilnensis». Следует признать, что университетские издания, пусть и названные «престижными», не пользуются популярностью. Но радует то, что в старейшем университете Литвы изучение творчества Достоевского, чтение курсов по его творчеству, создание проектов студенческих работ про его наследие никогда не прекращалось.

Авторы статей о Достоевском, печатающиеся в университетском журнале, выбрали в основном одно, правда, очень широкое направление в изучении писательского наследия, которое условно можно было бы назвать «двухголосое слово». Все они «отталкиваются» от мысли М. Бахтина о том, что «произведения Достоевского — это слово о слове, обращенное к слову»²⁸. Как указывается в одной из публикаций, «слово у Достоевского — явление двухголосое: оно отвечает предыдущим голосам и предвосхищает чужую реплику. Таким образом, любое произведение писателя отталкивается на уже заявившие о себе голоса, на другие произведения и, вместе с тем, предвосхищает, определяет будущие»²⁹.

Правда, первая часть заявленной темы — «ответ слова писателя предыдущим голосам» — представлена всего лишь одним выступлением. Это статья «А. П. Сулова и Ф. М. Достоевский: „чужие“ и „свои“», посвященная до сих пор в достоевковедении полностью не изученному тексту возлюбленной писателя «Чужая и свой»³⁰. В ней филолог Д. Бержайте (перу которой принадлежит и настоящая статья) на основе анализа биографического, мемуарного и текстуального материала выдвигает предположение, что «жизненный текст» самой Суловой, в некоем концентрированном виде представленный в ее повести, словно включается в произведения Достоевского на правах цитаты, как «чужое в своем»³¹.

Остальные статьи о Достоевском в журнале «Literatūra» относятся к теме «предвосхищения чужой реплики»³². Их можно разделить на несколько групп. Первая из них тесно связана с национальной тематикой, с освещением проблем литовской литературной и религиозно-философской критики. Тема понимания Достоевского литовскими авторами,

---

Briedis L. Vilnius: City of Strangers. Vilnius, 2008. P. 141–146; а также «Вильнюс — свой и чужой»: *Briedis L.* Vilnius — savas ir svetimas. Vilnius, 2010. P. 168–173.

²⁸ Бахтин М. Проблемы поэтики Достоевского. Киев, 1994. С. 456.

²⁹ Бержайте Д. «Вечный муж» Достоевского: к некоторым аспектам проблемы «чужого слова» // *Literatūra*. 2003. N 45 (2). С. 39.

³⁰ Бержайте Д. А. П. Сулова и Ф. М. Достоевский: «чужие» и «свои» // *Literatūra*. 2005. N 47 (2). С. 26–37.

³¹ Там же. С. 35.

³² Единственная статья, которая не вписывается в данное направление, — «Колорит романов Достоевского» — посвящена как проблемам поэтики, так и вопросам идейно-тематического содержания романов Достоевского, см.: Бержайте Д. Колорит романов Достоевского // *Literatūra*. 2001. N 41–43 (2). С. 65–80.

начата Масёнене еще в 1880-е гг., была продолжена ею и в новое время. На этот раз, как и следовало ожидать, акцент ставился на том, о чем при советском строе лучше было не упоминать, т. е. на христианской проблематике рецепции Достоевского в Литве³³. После кончины Масёнене ее исследования в области литовского достоевсковедения в 1920–1940 гг. в своей докторской диссертации продолжает М. Варлашина. Привлекая и академически тщательно комментируя все к сегодняшнему дню имеющиеся труды литовских авторов XX в. о Достоевском, Варлашина выделяет три основных этапа постижения его творчества в Литве, которые, в свою очередь, связаны с тремя главными именами литовского достоевсковедения: философами Видунасом³⁴ (1920-е гг.) и Антанасом Мацейной (1940-е гг.), а также профессором Червинскене³⁵. Особое внимание Варлашина уделяет наследию литовского христианского философа-эмигранта Мацейны, труд которого «Великий инквизитор» уже стал неотъемлемой частью истории изучения одноименного фрагмента произведения Достоевского как самостоятельного целого.

Проблемы освещения творчества Достоевского в литературной критике интересуют и других авторов журнала «Literatūra». В 1994 г. вышла статья, посвященная книге Д. С. Мережковского «Религия Льва Толстого и Достоевского»³⁶; в 2002 г. — материалы о творчестве Достоевского в восприятии Л. Е. Оболенского — сегодня мало кому известного литературного критика конца XIX в., одного из редакторов народническо-демократического журнала «Русское богатство»³⁷.

---

³³ Масёнене Б. Творчество Ф. Достоевского в контексте литовской литературы XX века // *Literatūra*. 1992. N 33 (2). С. 23.

³⁴ Это псевдоним. Настоящее имя философа — Вильгельмас Сторостас.

³⁵ *Варлашина М.* «Великий инквизитор» А. Мацейны (к постановке проблемы) // *Literatūra*. 1999. N 39 (2). С. 37–48; *Варлашина М.* Литовский Достоевский ретроспективным взглядом: к проблеме восприятия историко-литературных текстов // *Literatūra*. 2005. N 47 (2). С. 71–90; см. статью «*Великий инквизитор* Антанаса Мацейны: герменевтический действенно-исторический аспект»: *Varlašina M.* Antano Maceinos Didysis Inkvizitorius: Hermeneutinis istorinės veikmės aspektas // *Literatūra*. 2008. N 50 (2). P. 30–41; а также статью «Проблема положительного отношения к творчеству Достоевского: Видунас»: *Varlašina M.* Teigiama santykio su Dostojevskio kūryba problema: Vydūnas // *Literatūra*. 2009. N 51 (2). P. 41–58.

Отдельные вопросы, поднимаемые М. Варлашиной в журнале «Literatūra», дополнительно анализируются в следующих ее статьях: Великий инквизитор Антанаса Мацейны: религиозно-философский и гражданский аспект // *Drogi i rozdroza kultury Chrzescijanskiej Europy*. Czlowiek. Wiara. Kultura. Czętochowa, 2003. С. 449–457; «Оставаться со Христом...» Несколько замечаний к проблеме своеобразия религиозного мировосприятия Ф. М. Достоевского // *Dziennictwo Chrzescijanskiego wschodu i zachodu*. Czlowiek. Wiara. Kultūra. Czenstohowa, 2006. С. 323–325; «Литовцам негоже греться у его огня». Видунас о творчестве Федора Достоевского // *W poszukiwaniu prawdy*. Chrzescijanska Europa — między wiarą a polityką. Czlowiek. Wiara. Kultura. Czętochowa, 2010. С. 425–433.

³⁶ *Бержайте Д.* Последнее слово России // *Literatūra*. 1994. N 36 (2). С. 38–45.

³⁷ *Бержайте Д.* Забытые страницы литературной критики // *Literatūra*. 2002. N 44 (2). С. 21–33.

В период между этими выступлениями появились еще две публикации на литературно-критические темы, связанные с Достоевским. Первая — «Путь к Достоевскому» — это исследование цикла статей А. Л. Вольнского «Литературные заметки», в котором много внимания уделяется личности и творчеству Достоевского³⁸; и вторая — учебное пособие для студентов «Ф. М. Достоевский в оценке русской демократической критики XIX века». В этом пособии наряду с изучением высказываний В. Г. Белинского, Н. А. Добролюбова и Н. К. Михайловского о творчестве писателя учитываются тексты критических работ о Достоевском, которые ранее, в советские времена, было запрещено упоминать или тем более воспроизводить³⁹. Но автора этого небольшого исследования больше всего занимает литературно-критическая позиция Михайловского, с годами претерпевшая серьезную эволюцию, которая и вовсе ускользнула от внимания специалистов по литературной критике.

И всё же в университетском журнале больше внимания уделяется вопросу восприятия творчества Достоевского уже в XX в. Кроме вышеупомянутых статей Масёне и Варлашиной необходимо подчеркнуть вклад в разработку этой темы профессора Гражиса. В своей публикации «Творчество Ф. М. Достоевского в свете важных тенденций в литературе XX века»⁴⁰ профессор, обратившись к многочисленным мнениям западных исследователей и художников о Достоевском, открыл целую серию статей, рассматривающих творческое наследие писателя в рамках теории интертекстуальности и поэтики «чужого слова»⁴¹.

В конце XX в. в журнале печатались и материалы по истории западного достоевсковедения, знакомящие читателя с непереуслышанными на русский и литовский языки исследованиями англо-американских литературных критиков и философов, писавших о Достоевском⁴².

---

³⁸ *Бержайте Д.* Путь к Достоевскому («Литературные заметки» А. Л. Вольнского о Ф. М. Достоевском) // Язык. Общество. Культура. Вильнюс, 1997. С. 103–111.

³⁹ *Бержайте Д.* Ф. М. Достоевский в оценке русской демократической критики девятнадцатого века. Вильнюс, 1998. С. 90.

⁴⁰ *Гражис П.* Творчество Ф. М. Достоевского в свете важных тенденций в литературе XX века // *Literatūra*. 1999. № 39 (2). С. 29–36.

⁴¹ В настоящее время Институт литовской литературы и народного творчества готовит сборник научных статей, посвященный юбилею лауреата Нобелевской премии Чеслава Милоша, в котором тема «Милош о Достоевском» будет представлена в статье Инги Видугирите-Пакарене «Взгляд на Россию в эссеистике Чеслава Милоша „Последний гражданин ЛКВ“» («Požiūris į Rusiją Czeslawo Miloszo — „Paskutinis LDK pilietis“ — eseistikoje»).

⁴² *Бержайте Д.* Из истории английского достоевсковедения // *Literatūra*. 1999. № 39 (2). С. 49–62; *Бержайте Д.* О некоторых аспектах современного западного достоевсковедения // *Literatūra*. 2000. № 39 (2). С. 101–108. Об исследованиях тождественного в русско-английском достоевсковедении см. также статью, опубликованную в польском сборнике: *Бержайте Д.* Ф. М. Достоевский в религиозно-философской критике на рубеже

Изучение англо-американского диалога с творчеством Достоевского не прекращается в Вильнюсе и на протяжении последнего десятилетия. В журнале «Literatūra» одна за другой появились пять статей, в центре которых — романы западных авторов (исключение составляет роман Л. Цыпкина «Лето в Бадене», правда, и он впервые увидел свет в США), созданные «по мотивам» произведений Достоевского. Например, в статье под названием «Достоевский в Америке, или Некоторые заметки по поводу прочтения одного романа» опыт христианской интерпретации романов Достоевского «накладывается» на роман американской писательницы Ф. О'Коннор «Мудрая кровь»⁴³. Попытка объяснить разные способы постмодернистских «игр» как с героями Достоевского, так и с фактами из его личной жизни лежат в основе таких статей, как «Посвящение отцам, или Диалог с русской литературой»⁴⁴, «О литературе и любви»⁴⁵, «„Вечный муж“ Достоевского: к некоторым аспектам „чужого слова“»⁴⁶, «В защиту Достоевского и детектива»⁴⁷. Параллельно в этих статьях обсуждаются и более общие вопросы русской литературы, которая для многих западных авторов всё еще, кажется, совпадает с единственным именем — именем создателя «Преступления и наказания».

Проблемам взаимодействия текстов кино и литературных произведений посвящены исследования Наталии Арлаускайте, одного из ведущих специалистов по интермедиальным исследованиям в Литве. В 2005 г. в журнале «Literatūra» вышла ее статья под названием «Диегетические игры Куросавы с „Идиотом“»⁴⁸, в которой Арлаускайте, разбирая художественный образ князя Мышкина, обсуждает и сложности самого интерпретационного аппарата, необходимого для разговора

XIX–XX веков (Мережковский и его последователи в Англии) // Drogi i rozdroża kultury Chrzescjanskiej Europy. Czlowiek. Wiara. Kultūra. Czenstohowa, 2003. С. 441–449.

⁴³ *Бержайте Д.* Достоевский в Америке, или Некоторые заметки по поводу прочтения одного романа // *Literatūra*. 2007. № 49 (2). С. 21–40.

⁴⁴ *Бержайте Д.* Посвящение отцам, или Диалог с русской литературой // *Literatūra*. 2009. № 51 (2). С. 21–35. В статье речь идет о нашумевшем романе Дж. М. Кудзее (J. M. Coetzee) «Осень в Петербурге», еще раз воскресившем как историю Нечаева, так и проблемы создания «Бесов».

⁴⁵ *Бержайте Д.* О литературе и любви (Л. Цыпкин. Лето в Бадене) // *Literatūra*. 2008. № 50 (2). С. 53–64.

⁴⁶ *Бержайте Д.* «Вечный муж» Достоевского: к некоторым аспектам «чужого слова» // *Literatūra*. 2003. № 45 (2). С. 39–50. В романе Дж. Ирвинга «Мир глазами Гарпа» есть целая глава под названием «Вечный муж». Автор статьи обращает внимание на то, что герои американского писателя читают произведение Достоевского по тому же принципу, как и герои последнего читали «Провинциалку» И. С. Тургенева.

⁴⁷ *Бержайте Д.* В защиту Достоевского и детектива // *Literatūra*. 2010. № 52 (2). С. 33–41. В этой статье автор в роли читателя Достоевского пытается «разгадать» тайну детективов Морриса «Благородный топор» и «Мстительная тоска» из цикла «Петербургские мистерии».

⁴⁸ *Арлаускайте Н.* Диегетические игры Куросавы с «Идиотом» // *Literatūra*. 2005. № 47 (2). С. 113–119.

о рецепции одного вида искусства другим. Понимание экранизации как эстетического вызова сложившейся в общественном мнении истории литературы, а конкретно, анализ интерпретации того же самого романа Достоевского, на этот раз осуществленной режиссером Р. Качановым в фильме «Down House», представлено в другой статье Арлаускайте⁴⁹.

Доминирующая в современном литовском разговоре о Достоевском тенденция включения проблем его творчества в контекст мировой литературы, искусства и критики позволяет сделать предположение, что у местного достоевсковедения будущее, видимо, есть — вряд ли когда-нибудь мировой «диалог с Достоевским» будет исчерпан. Может волновать только другое — это разрыв между «академическим» Достоевским и тем, которого условно уже назвали «популярным». Но тогда какой это Достоевский без парадоксов и противоречий, без многозвучия и в его понимании? Оказывается, те же самые законы мира Достоевского действуют и в восприятии его творчества. Во всяком случае, в Литве. Но всё же почему-то очень не хочется, чтоб у литовского читателя верх взяло «обывательское» (по удачному определению Юозайтиса: «Обывателю доступно любое произведение, ему дозволено любое восприятие»⁵⁰) представление об этом русском классике. Хотя Достоевский и «не „тоталитарен“, т. е. не настаивает на сознательности читателя задействовать свою собственную совесть, он и не „демократический“ автор. Герои Достоевского воспитывают постольку, поскольку читатель готов к самовозрастанию»⁵¹.

---

⁴⁹ *Arlauskaitė N.* Ekranizacijos kaip literatūros istorijos provokacijos // *Respectus philologicus*. 2005. № 7 (12). P. 50–70.

⁵⁰ *Юозайтис А.* Три ипостаси совести у Достоевского // Достоевский и современность. Материалы XIX Междунар. Старорусских чтений 2004 года. Великий Новгород, 2005. С. 291.

⁵¹ Там же.